

УДК 811.111-112:81'371

СВЯЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МЕТАФОРЫ

З.А. Харитончик (Минск, Беларусь)

З.А. Харитончик. Связующая функция метафоры. Статья посвящена анализу концепций метафоры, развиваемых в американской когнитивной лингвистике. Идее метафоры, на базе которой *возникают* новые ментальные пространства, противопоставляется взгляд, согласно которому метафора, равно как и другие процессы семантической деривации и словообразования, становится возможной лишь вследствие предшествующего установления взаимосвязей объектов, их свойств и отношений в окружающем нас мире.

Ключевые слова: метафора, концептуальная структура, систематизация, семантическая деривация, номинативные процессы.

З.А. Харитончик. Зв'язувальна функція метафори. Статтю присвячено аналізу концепцій метафори, які розробляються в американській лінгвістиці. Погляду на метафору як основу для *виникнення* нових ментальних просторів протиставляється погляд, згідно з яким метафора, подібно до інших процесів семантичної деривації та словотворення, стає можливою лише внаслідок попереднього встановлення взаємозв'язків об'єктів, їх властивостей та відношень у навколишньому світі.

Ключові слова: метафора, концептуальна структура, систематизація, семантична деривація, номінативні процеси.

Z. A. Kharitonchik. Binding function of metaphor. This paper focuses on the analysis of the theories of metaphor developed in American cognitive linguistics. The idea of metaphor as the basis for emergent structures is opposed by the view according to which metaphor, as well as other processes of semantic derivation and word formation, is preconditioned by the previously established links between objects, their properties and relations that exist in the experienced world.

Key words: metaphor, conceptual structure, systematization, semantic derivation, nominative processes.

В течение тысячелетий важнейшим принципом, организующим взаимодействие людей в обществе, была установка на то, что руководствоваться в наших отношениях с людьми следует на базе их действий, поступков, и доверять имеет смысл не словам, а делам. *Actions speak louder than words*, – говорит английская пословица. Тем не менее самые серьезные ученые мужи пытаются нас сегодня убедить, что на самом деле громче всего о нас и нашем мире говорят не наши дела, а наши слова, что не наше знание о мире, полученное в результате нашего с ним взаимодействия, является ведущим, а язык как репрезентирующая это знание система, т.е. по сути дела вторичная семиотическая система, которая, как утверждает Ж. Пиаже, «является лишь частным случаем семиотической функции (безусловно, важным, <...> и притом весьма ограниченным в совокупности проявлений семиотической функции) [Пиаже 1983: 134–135]. Из всех областей гуманитарного знания, в которых эта методологическая линия,

разрабатываемая в позитивистских и неопозитивистских учениях, принимается рядом ученых в качестве главенствующей, рассмотрим лингвистику.

Следствия из данной методологической установки многолики. Остановимся лишь на двух из них. Как отмечает выдающийся российский семасиолог М.В. Никитин в своей статье «Российский уклон в когнитивной лингвистике», опубликованной в 2005 г.: «Постулат прямой детерминации сознания (мышления) языковой формой методологически далеко не безвреден. Искажая реальное соотношение между языком и сознанием, он искажает реальные зависимости между языком и действительностью. Связь между ними мистифицируется. Поиск реальных механизмов отображения одного в другом, возможных причинно-следственных и иных зависимостей между ними подменяется свободными фантазиями об особенностях национальных менталитетов, объяснение которых лежит даже не столько в своеобразии языков, сколько в личных субъективных пристрастиях авторов этих фантазий» [Никитин 2007: 279]. И далее: «Общий крен в сторону ложного постулата лингвистического детерминизма не только подталкивает к спекулятивным мистифицированным заключениям о специфике языкового сознания и национального видения мира, к отказу от попыток комплексного междисциплинарного объяснения семантических фактов на причинно-следственной основе, но имеет <...> пагубное для лингвокогнитологии и когнитивной науки в целом последствие» [там же: 283–284].

Постулаты лингвистического детерминизма являются определяющими не только в трактовке национальной души и ее особенностей. Они играют определяющую роль и в видении метафоры, а более широко – видении всего номинативного процесса в разных его формах как ключа к пониманию и как механизма для создания нового значения и новых реальностей в нашей жизни. Цитирую Дж. Лакоффа и М. Джонсона: “the essence of metaphor is understanding and *experiencing* one kind of thing in terms of another” [Lakoff & Johnson 1980: 5], “We see metaphor as essential to human understanding and as a mechanism for *creating new meaning and new realities in our lives*” [там же: 196] (курсив мой – З.Х.).

В аналогичном ключе звучат и высказывания Ж. Фоконье и М. Тернера, развивающих теорию концептуальной интеграции и утверждающих, что “the blend develops *emergent structure* that is not in the input” [Fauconnier & Turner 2002: 42], или “*Emergent structure arises* in the blend that is not copied there directly from any input” [там же: 48], “many mental spaces are the *products of blending*” [там же: 104] (курсив мой – З.Х.).

Необходимо подчеркнуть, что нами никоим образом не подвергается сомнению основополагающая роль метафоры и, вновь отметим, разных типов номинативного процесса в структурировании полученного нами в результате взаимодействия с окружающим миром опыта, которая является необходимым подготовительным этапом номинации. Равным образом в наши задачи не входит умаление достоинств как теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона,

ставшей в последние десятилетия ключевой для когнитивной лингвистики, так и концепции Ж. Фоконье и М. Тернера, раскрывающей динамические аспекты метафоры. Обращение к проблеме роли метафоры в языке и сознании в первой теории и вопрос о характере взаимодействия цели и источника как двух сопряженных в метафорическом процессе концептуальных структур, или ментальных конструкторов, во второй теории детерминировали огромный всплеск активности в изучении метафоры, ориентированном на выявление её когнитивной функции в организации человеческого знания, установление типов метафоры, обращение к организующей и воздействующей роли метафоры в различных типах дискурса и т.д., и тем самым во многом определили ход современных лингвистических исследований и, если так можно выразиться, в значительной степени лицо современной лингвистики. Серьезные сомнения возникают лишь относительно создания в ходе метафорических процессов нового значения и новых реальностей в жизни, конечно же, если данную часть высказывания не воспринимать как тоже метафору. И снова, несомненно, прав, на наш взгляд, М.В. Никитин, подчеркивая, что «метафора сама по себе не создает концептов особого типа, но аналогически формирует, проясняет и выражает один концепт через другой и его имя, концепт обозначаемого в речи через концепт означенного в языке, по определенной модели взаимодействия» [Никитин 2007: 262]. Находя порождение концептуальных уродцев типа *Клинтонотитаник* или *Моникоайсберг* противоестественным, ученый, по нашему мнению, справедливо квалифицирует описание М. Тернером и Ж. Фоконье когнитивно-семантического процесса в случае метафоры как иллюзию и заблуждение, возражая против смешения исходных концептов и образования промежуточной ментальной структуры – смешанного концепта, который, по мысли разработчиков теории концептуальной интеграции, на время сочетает в себе и отбирает для себя признаки сверх тех, что являются общими для обоих референтов. Думается, что взаимодействие концептов, раскрываемое в теории концептуальной интеграции, и тип смешения (блендинга, в терминологии М. Тернера и Ж. Фоконье) как характеристика психической деятельности человека, определяющая ее творческую природу, принимают в различных видах речемыслительной деятельности разные формы. Номинативный процесс, по нашему мнению, является частной разновидностью концептуальной интеграции, не связанной с формированием новых концептов на базе двух интегрируемых и поэтому, может быть, самой простой, яркой и проявляющейся столь ясно и четко, благодаря чему язык становится прекрасным инструментом для проникновения в механизмы человеческого сознания, для поиска и установления типов аналогий, для решения многих когнитивных задач.

Тем не менее данный процесс имеет непосредственное отношение к формированию нового концепта. Но этот новый концепт и есть концепт, на конечное оформление которого путем именованья и направлен весь механизм номинации. Как когда-то еще подчеркивал В. фон Гумбольдт,

«в силу необходимости мышление всегда связано со звуками языка; иначе мысль не сможет достичь отчетливости и ясности, представление не сможет стать понятием» [Гумбольдт 1984: 75]. Именно поэтому он и характеризовал язык «как орган, образующий мысль» [там же]. Язык действительно играет важную роль в окончательном формировании концептов, но первичной базой для их возникновения является наше взаимодействие с реальным миром, в ходе которого мы извлекаем опыт, знания о мире и о себе.

Анализ номинативных процессов со всей очевидностью демонстрирует нам и то, что окончательное становление концепта обязательно предполагает в первую очередь, видение окружающего мира как системы объектов, сложным и тесным образом взаимосвязанных на базе разных своих свойств и проявлений. Иначе говоря, в ходе метафорических переносов и шире, семантической деривации и словообразования, нами осуществляется определенная систематизация и структуризация нашего опыта и знания о мире, о чем так убедительно пишет Дж. Лакофф. Во-вторых, номинативные процессы своими результатами доказывают возможность и эффективность употребления уже известного, поименованного и существующего в нашей ассоциативной сети как когнитивной опоры в раскрытии и усвоении сущности чего-то неизвестного, т.е. того концепта, который формирует цель в номинативных процессах. Типы интеграции, или взаимодействия, двух концептов могут быть различными: пересечение в случае метафоры (возможно, наиболее простой случай взаимодействия) или два концепта в случае метонимии, когда один концепт отделяется от первого на основе приобретения свойством или составной частью автономности, расширение или сужение экстенционала категории с сохранением концепта с первичными границами и т.д. и т.п.

Таким образом, становится очевидным, что метафорическая модель по своей сути бинарна, представляя собой взаимодействие действительно только двух концептов – концепта-источника и концепта-цели, не приводя к возникновению в языке некоего третьего ментального пространства. Однако в плане моделирования метафорических переносов важно описание и тех общих признаков, или характера взаимодействия задействованных в них концептов, и скрытый или, напротив, эксплицитный тип его выражения. Этот аспект тем более интересен, поскольку их системное описание, и здесь мне хотелось бы сослаться на Дж. Лакоффа, в разных языках еще ожидает своего часа. Соответственно, в лингвистической дескрипции, подчеркнем, именно в дескрипции, модель метафорического переноса предстает как тернарная структура, в которой эксплицитрованы должны быть как **цель** (то, что должно быть поименовано), **источник** (то, чье имя используется для наименования цели) и **тип взаимодействия**, или связи между источником и целью. Ср. понятие словообразовательной модели, конститuentами которой являются ономаσιологические базис, признак и связка.

Специфический тип взаимодействия концептов, с одной стороны, и особенности взаимодействия между отдельными типами источников и целей,

с другой, и лежат в основе достаточно большого числа метафорических, метонимических и т.д. моделей семантической деривации. Аналогичная картина присуща и словообразовательным процессам с той лишь разницей, что конечный результат зачастую маркирован словообразовательным средством того или иного типа.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что открытый и динамический характер лексических значений как языковых репрезентантов концептуального мира разрешает формирование необозримого числа связей между концептами, что приводит к новым креативным образованиям в языке и в конечном итоге к изменениям в системе регулярных моделей семантической деривации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / Гумбольдт В. фон. – М. : Прогресс, 1984. – 399 с.
2. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / Никитин М.В. –СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
3. Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка / Ж. Пиаже // Семиотика / сост. Ю. С. Степанов. – М. : Радуга, 1983. – С. 134–136.
4. Fauconnier G. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – N.Y. : Basic Books, 2002. – 440 p.
5. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. J. Johnson. – Chicago [u.a.]: Univ. of Chicago Press, 2003. – 242 p.

Зинаида Андреевна Харитончик, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего языкознания Минского государственного лингвистического университета; e-mail: zkharitonchik@mail.ru